

В Лаонювань Ли Цинвэнь с родными приехали с возами, полными сорго и проса. Обрато же они возвращались, везя рис, пшеницу и ведя за собой шестерых овец.

Рис и пшеница предназначались для посева, поэтому Чэнь Шаньхэ самолично обошёл односельчан, выменивая зерно у тех хозяев, что из года в год отбирали лучшие семена.

Овцы же появились в их хозяйстве случайно. Когда семья Ли уже собиралась в путь, мимо прогоняли отару. Ли Цинвэнь так долго и пристально смотрел на животных, что дядя Шаньхэ отправился на переговоры с пастухом. В итоге он купил шестерых овец, наказав племяннику гнать их домой да зарезать к столу.

Под провожающими взглядами жителей Лаонювани — в которых читалось и любопытство, и зависть, и недоумение — семья Ли, толкая телеги и понукая овец, покинула деревню.

Дорога в гору была крутой и разбитой, поэтому Чэнь Динсинь и Чэнь Шаньхэ долго помогали им толкать повозки. Расстались они лишь тогда, когда путники миновали лоцину и вышли на ровный тракт.

Ли Цинфэн вёл за верёвку жоака, а остальные овцы послушно трусили следом. Поравнявшись с матерью, он негромко проворчал:

— Матушка, я в гостях у второго дяди лишнюю миску риса съел, так вы мне все уши прожужжали. А как Сынок овец выпросил — так ни слова упрёка?

— Сынок взял их для дела, — ответила госпожа Чэнь. — А будь твоя воля, ты бы их в первый же вечер приговорил.

— А разве нет? — Ли Цинфэн опешил. — Мы разве не зарезать их везём?

— Четвёртый брат, я хочу забрать этих овец в Пограничный город, — Ли Цинвэнь погладил по загривку одну из крепких овечек, выбранных специально для долгого пути. — Мясо тамошних диких коз слишком уж сильно пахнет.

Ли Цинфэн, который уже грезил о наваристой похлёбке по приезде домой и даже вызвался вести стадо ради этой мечты, почувствовал, как надежда на вкусный ужин тает на глазах.

Мир для него померк. Не желая сдаваться, он предпринял последнюю попытку:

— Да разве они дойдут? Путь-то неблизкий, падут по дороге от усталости!

— Не падут, — Ли Маосянь, обернувшись, не смог сдержать улыбки при виде расстроенного лица сына. — Овцы привычны к долгим переходам в поисках пастбищ. А если совсем занемогут — погрузим их на телеги.

Ли Цинвэнь поспешил подбодрить брата:

— Четвёртый брат, в Пограничный город они принесут ягнят. Те вырастут, и стадо станет огромным. Тогда и будем мясо есть хоть каждый день.

Услышав это, Ли Цинфэн немного приободрился и принялся расспрашивать:

— А сколько раз в год овца ягнится?

В окрестностях Тополиной деревни свободных пастбищ не было, поэтому скотину почти не держали.

— Раза два, а то и три, — улыбнулась госпожа Чэнь. — Если уход будет хороший, в каждом приплоде по паре-тройке выживет.

Цинфэн умолк, погрузившись в подсчёты: сколько же барашков у него будет, если он потерпит всего один год.

Когда семья Ли вошла в Тополиную деревню, их встретили такие же любопытные взгляды. Кто-то в шутку спросил, не с ярмарки ли они возвращаются, на что госпожа Чэнь ответила, что погостили у родни. Соседи только посмеивались: «Ходи почаще к такой родне, матушка, тогда и нужды в еде знать не будете».

Ли Чжэнсин, не видевший матери много дней, едва завидев госпожу Цзян, со слезами на глазах бросился к ней и вцепился в подол, не желая отпустить.

Ли Цинжуй с недоумением спросил:

— Отец, что же вы так долго там пробыли?

Прежде чем Ли Маосянь успел ответить, Ли Цинхун взахлёб принялся рассказывать о том, как они обжигали кирпич в Лаонювани.

Ли Цинжуй рассмеялся:

— То-то я гляжу, вас там целая орава была. Оказывается, всё заранее спланировали. Наш Сынок снова отличился.

Ли Маосянь осведомился, нет ли вестей из города.

— Проезжали недавно стражники, гнали двоих колодников, — ответил Цинжуй. — Но нрав у тех конвоиров был крутой: стоило мне слово спросить, как они в крик. А поскольку вас дома не было, я и не стал навязываться.

Отец кивнул. Жалеть было не о чем: путь предстоял долгий и опасный, в таких делах осторожность важнее всего. Если стражники не в духе, в дороге может случиться любая беда.

Вскоре Цинжуй собрался в уездный город, чтобы отвезти провизию Ли Маоцюню. Ли Маосянь решил поехать вместе с ним, прихватив с собой серебро.

Ли Цинвэнь же, едва переступив порог дома, тут же принялся за каллиграфию. За дни странствий рука начала забывать привычные движения, и он не смел давать себе поблажки.

К вечеру Ли Маосянь вернулся, неся в руках деревянный ларец. Братья обступили отца, надеясь увидеть в ларце что-нибудь интересное, но едва крышка открылась, явив стопки тяжёлых книг, они тут же разлетелись кто куда.

Ли Цинфэн схватился за голову:

— Отец, я же те две ещё не вызубрил!

— Учи те, что есть, — невозмутимо отозвался Ли Маосянь. — А эти я перепису, чтобы вы взяли их с собой в Пограничный город. И запомни: пока свои книги не выучишь, из дома — ни ногой.

Угроза подействовала. Как ни горько было Цинфэну, он тут же принялся за учёбу.

Ли Маосянь осторожно разложил книги и, обмакивая кисть в тушь, начал медленно и прилежно копировать иероглиф за иероглифом. Работа шла небыстро: слов было куда больше, чем в обычных письмах, да и некоторые знаки отцу были в новинку. Он подолгу всматривался в очертания незнакомого иероглифа, прежде чем аккуратно вывести его на бумаге. Все непонятные места он выносил на отдельный лист, чтобы позже спросить совета у хозяина книжной лавки.

Временами спина его не выдерживала, и он поднимался, чтобы размяться и постучать кулаками по пояснице, но большую часть дня проводил за столом почти неподвижно. Лишь к сумеркам, уступив ворчанию госпожи Чэнь, он отложил кисть.

Ли Цинвэнь молча наблюдал за отцом. Возможно, потому, что в прошлой жизни учёба давалась ему слишком легко, он никогда не считал грамоту великим сокровищем. Но отец думал иначе: он был готов положить все силы, лишь бы дать сыновьям шанс на иную жизнь. Эта молчаливая преданность не могла не трогать сердце.

Перед сном Сынок заставил отца лечь на кан и принялся разминать ему поясницу. Он хотел продолжать подольше, но Ли Маосянь, боясь, что сын перетрудит руки — ведь завтра тому снова предстояло упражняться в письме, — вскоре велел прекратить.

***

В это же время, за тысячи ли отсюда, в Пограничном городе жизнь кипела.

Цзян Липин с товарищами едва вернулись из дозора. Уставшие настолько, что могли спать стоя, они тут же были отправлены на распашку земель. К счастью, солдаты выделили им волов, иначе вручную поднять такую целину было бы невозможно.

После таяния снегов кругом стояла непролазная грязь. Люди ходили перепачканные с головы до ног, но на это никто не обращал внимания. Тепло в этих краях было недолгим, и нужно было успеть бросить семя в землю как можно раньше — промедление в несколько дней могло обернуться голодной зимой.

Зерно, что выдали солдаты, было разного качества. Ссылные сеяли его, зная, что большую часть урожая заберёт казна, а им останутся лишь крохи. Если же собрать мало — не только будешь наказан за недоимку, но и сам останешься свистеть в кулак, питаясь одним холодным ветром. Поэтому днём люди пахали, а ночами, до боли в глазах, перебирали семена.

Сунь Юнхао и его родные, не знавшие крестьянского труда, пытались учиться у остальных. Но пахота — дело нехитрое лишь на вид: семья Сунь даже плуг держать не умела, а тут предстояло засеять сотни му. Цзян Липин отправил нескольких своих людей помочь им с пахотой, а взамен отправил Суней помогать с севом.

Цзян Цун взял на себя участки Ли Цинвэня и Ли Маоцюня. Он работал до глубокой ночи, благо они уже успели сойтись со стариной Сином и другими сторожами, что позволяло брать отдохнувших волов в смену.

Друзья помогали ему во всём. За работой они в шутку поговаривали: если Ли Цинвэнь в этом году не приедет, они весь его урожай приберут к рукам и уж тогда-то наедятся от пуза. Цзян Цун в эти разговоры не вступал, только молча гнул спину.

Людей в их отряде было много, все молодые и крепкие, так что они успевали не только управляться на своих наделах, но и помогать соседям, а в перерывах ещё и косить траву для лошадей. Несмотря на всю суматоху, сев удалось завершить в срок.

Но едва они успели перевести дух, как всех привели к надзирателю Лу Гану. Поступил приказ: идти на охоту. Требовалось добыть медведей, да не простых, а живых!

Лицо Лу Гана было обезображено шрамом на одну сторону, говорили, что у него даже череп

когда-то был проломлен. Но он выжил — жизнь в этом человеке была твёрже гранита.

После долгой зимы голодные звери уже вышли из берлог. Охота в такое время была смертельно опасна, но приказы не обсуждались. Цзян Цун и остальные были вынуждены вновь отправиться в путь.

***

Шёл шестой месяц, а из уездного города по-прежнему не было вестей. Односельчане, собиравшиеся в Пограничный город, начали терять терпение. Они приходили в дом Ли, предлагая выдвигаться самим: мол, если ждать дольше, ударят холода и дорога станет непроходимой.

Ли Цинжуй только качал головой: не зная пути, соваться в глушь — чистое безумие. Заплутаешь в пустошах — и костей не соберут.

Однажды за обедом госпожа Цзян внезапно побледнела, зажала рот рукой и выбежала за дверь. Ли Цинвэнь перепугался, гадая, не отравилась ли невестка — ведь все ели одно и то же сорго.

Но госпожа Чэнь всё поняла первой. Радостная, она подала невестке воды и велела Цинжую немедля скакать за лекарем. Тот подтвердил догадку: в семье Ли ожидалось прибавление.

Беременность протекала тяжело. Хоть это был и не первый её ребёнок, госпожа Цзян мучилась от несносной дурноты, не в силах проглотить ни кусочка. Матушка Чэнь готовила ей особые кушанья, покупала в городе кислые сладости и не сводила с невестки глаз.

Ввиду такого обстоятельства Ли Цинхун предложил брату остаться дома и приглядывать за женой. Но Цинжуй, хоть и переживал за супругу, не мог отпустить братьев одних в столь дальний путь.

В итоге своё слово сказал Ли Маосянь:

— Поеду я. А старший пускай дома остаётся.

Вся семья онемела. Цинжуй горячо возразил:

— Отец, в ваши-то годы терпеть такую дорогу! Мы же на месте себе покоя не найдём от беспокойства за вас.

Ли Маосянь только усмехнулся:

— У любой дороги есть конец. А сидеть дома и гадать, как вы там — ещё тяжелее. Посмотрю на всё своими глазами, может, и сердце успокоится.

Госпожа Цзян хотела было поддержать мужа, но едва открыла рот, как снова почувствовала тошноту.

Ли Цинфэн переводил взгляд с брата на отца:

— Да мы и втроём управимся. С нами же дядя Маоцунь и братья Лю поедут.

— Цзян Цун и остальные могут остаться там на пять лет, на десять, а то и на всю жизнь, — возразил отец. — Сынок, видать, тоже намерен там обосноваться. Так что я должен поехать сейчас, пока ещё ноги носят.

Ли Цинвэнь вздрогнул. Он говорил лишь о том, что едет на заработки, но отец, оказывается, уже всё понял.

Ли Маосянь оглядел сыновей:

— Не смотрите на меня так. В долгом пути я ещё любому из вас фору дам.

— Это уж точно, — вздохнул Ли Цинхун. Если отец что-то вбил себе в голову, спорить с ним было бесполезно. Госпожа Чэнь промолчала и только полезла в сундук — собирать вещи.

Словно по воле случая, едва в семье Ли решили сменить провожатого, как прибежал Ли Маоцунь. Он сообщил, что в город прибыл отряд стражников с партией ссыльных, и завтра на рассвете они выдвигаются на север.

Медлить было нельзя. Все собранные пожитки мигом погрузили на телеги. Семья Ли оповестила односельчан и немедля отправилась в уездный город.

За время ожидания Ли Цинвэнь и его спутники успели справить подорожные, но у отца документов не было. По приезде в город Ли Маосянь, Цинжуй и Маоцунь отправились в ямэн, а за ними, суетясь, последовали и те односельчане, что решились-таки на поход.

Ли Цинвэнь, как и прежде, побежал в «Зал Возвращения Весны» к лекарю Люю. Он набрал уйму лекарств: больше всего взял снадобий от ран и жара. В Пограничном городе врачей нет, а надеяться на случай в болезни — гиблое дело. Лекарь, зная, как далёк их путь, добавил ещё несколько мазей и подарил пару флаконов кровоостанавливающего порошка.

В ямэне Ли Маоцуня уже знали. Стражники сами вызвались помочь с подорожной — разумеется, рассчитывая на мзду. Простому человеку в присутственные места ходу нет, без

«подмазки» и слова не вытянешь. И хоть расставаться с деньгами было горько, пришлось платить.

Семья Ли впервые так плотно столкнулась с чиновниками и поняла, как сильно их обманул тогда Чэнь Шаньань: дело, которое стоило пару лан, обошлось им тогда в десять, и он не вернул ни медяка.

Видя, что за документы нужно платить, односельчане приуныли. Кое-кто, скрипя зубами, выгреб последние крохи. Ли Цинжуй и Ли Маосянь, хоть и обещали не вмешиваться, не смогли бросить своих в беде и помогли с оплатой. Стражники, видя, что взять с бедолаг больше нечего, милостиво приняли то, что дали.

Цинжуй также поднёс серебро конвою, что шёл в Пограничный город, и устроил им обильный ужин в трактире.

Приехал и Ли Бэньшань проводить сына. Узнав, что Ли Маосянь тоже едет, он велел ему не беспокоиться о доме — односельчане помогут госпоже Чэнь во всём. Просил он и присмотреть за Маоцюнем. Говорить об этом было излишне, но таков был обычай.

Уезжая, Ли Маоцюнь оставил все деньги госпоже Чэнь, наказывая в случае нужды просить помощи у людей. Та только рукой махнула:

— Вы с Сынком и раньше подолгу пропадали, я ко всему привычна. Ступай спокойно.

В последнюю ночь перед отъездом никому не спалось. Ли Цинфэн ворочался от возбуждения: он только-только научился держаться в седле и уже представлял, как будет скакать по бескрайним равнинам Севера, стреляя в луну из лука.

Но как бы сладки ни были грёзы, наутро ему снова пришлось брать в руки верёвку и вести овец.

Ли Бэньшань и остальные проводили их до самых городских ворот. На этот раз госпожа Чэнь не заходилась в плаче — то ли присутствие мужа придавало ей сил, то ли она чувствовала, что всё будет хорошо. Она только наказала сыновьям снять с Цзян Цуна мерку, чтобы к зиме сшить ему новую одежду.

Ли Цинжуй долго наставлял братьев, веля слушаться отца, и особенно строго выговаривал Ли Цинфэну.

Под окрики стражников отряд тронулся в путь. Семья Ли, помахав родным на прощание, направилась на север.

Первое время все молчали, подавленные разлукой с домом, но стоило миновать первую сотню

ли, как все думы обратились к дороге. Две телеги были доверху забиты добром, так что Ли Цинвэнь и остальные шли пешком. Группа подобралась странная: кто с телегой, кто с коромыслом, а впереди — колодники в тяжёлых кангах. В городах на них глазели все встречные.

Больше всего внимания доставалось Ли Цинфэну. Сначала он злился, но потом привык и перестал замечать косые взгляды. Ли Цинхун предлагал подменить его у овец, но те слушались только Четвёртого брата. Ли Маоцюнь только посмеивался:

— Овцы — они как люди, чувят, с кем шутки плохи.

За семьёй Ли следом шли ещё человек двадцать. Среди них были представители кланов Хань и Го из Тополиной деревни, и люди из соседних сёл. Когда только кинули клич, желающих были толпы, но стоило дойти до дела и расходов, как большинство отсеклось. Остались лишь самые решительные.

Глядя на семью Ли, которая гнала овец и шутила в пути, односельчане поначалу недоумевали: не зря ли их пугали опасностями? Видя их сомнения, Ли Маоцюнь обронил:

— Это только начало. Дорога впереди ещё покажет свой норов.

Некоторые из попутчиков никогда не уходили далеко от дома. Поклажу они набрали привычную — столько, сколько обычно носили на рынок. Но через несколько дней пути силы начали их покидать.

Июньское солнце палило нещадно, одежда пропиталась потом, а ноша казалась с каждым часом всё тяжелее. Выбросить добро рука не поднималась, поэтому в городах пытались хоть что-то продать. Запасы еды трогать было нельзя, так что избавлялись от домашней утвари — и хоть сердце кровью обливалось, нести её дальше было невозможно. Глядя на лошадей и мулов семьи Ли, каждый втайне зарёкся: если удастся заработать, первым делом купят скотину для поклажи.

Среди ссыльных в этот раз были и женщины, и старики, и дети. Стражники обходились с ними куда мягче, чем с партией Цзян Цуна: если кто отставал, только покрикивали, не пуская в ход плети. У ссыльных было два-три десятка повозок, которыми правили крепкие слуги. На привалах им подносили воду и еду, а в городах закупали вино и яства и для конвоя, и для самих господ. Кабы не канги, можно было подумать, что знатный род возвращается в родное поместье.

Ли Маосянь заводил разговоры со стражниками. Из их слов он узнал, что это семья по фамилии Цянь. Раньше они были сказочно богаты, но их уличили в незаконной добыче ископаемых из казённых рудников. Главу рода казнили, а жён и детей отправили в изгнание. Стражники при этом многозначительно перемигивались, намекая, что дело Цяней куда запутаннее, чем кажется. Ли Маосянь лишних вопросов не задавал — от чужих тайн добра не жди.

Под палящим солнцем они добрались до города Лунбэй. Здесь им дали полдня на отдых, после чего отряд миновал заставу и углубился в бескрайние северные степи. Снег давно сошёл, и взору открылось море дикой травы, уходящее за горизонт. Лишь благодаря твёрдой руке Ли Цинфэна овцы не разбредались, пытаясь остановиться у каждой кочки — трава здесь была сочная и густая.

В такую жару вода была дороже золота. Ли Маосянь заранее вызнал у стражников путь, а на почтовых станциях расспрашивал ямщиков о каждой речушке и каждом колодце. Без еды человек протянет долго, но без воды в этих краях — верная смерть.

<http://bllate.org/book/15828/1441835>